

JEZIERSKI W., HERMANSON L., ed.,
*Imagined Communities on the Baltic Rim, from the
Eleventh to Fifteenth Centuries**

Amsterdam: Amsterdam University Press, 2016. 394 p.

Тимофей Валентинович Гимон

Государственный академический
университет гуманитарных наук,
Институт всеобщей истории
Российской академии наук
Москва, Россия

Timofey V. Guimon

State Academic University
for Human Sciences,
Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

В 2016 г. под редакцией Войтека Езерского и Барбары Розенвейн увидел свет коллективный труд "Воображаемые сообщества вокруг Балтийского моря: XI–XV вв.". Данный термин был предложен Бенедиктом Андерсеном, чья книга "Воображаемые сообщества: Размышления о происхождении и распространении национализма" (1991) — пожалуй, самая цитируемая на страницах тома. Авторы объединяет осознание того, что едва ли не все человеческие общности в истории являются ментальными конструктами. Сами сообщества могут быть разными — политическими (например, шведы, новгородцы или горожане Любека), религиозными (члены монашеского ордена, миссионеры) и т. д. Авторы интересуют то, как устроены эти "воображаемые сообщества", кого они включают и кому, наоборот, противостоят, как представляют себе свое прошлое, какие образы используют, говоря о себе; насколько эти сообщества гомогенны или, наоборот, сложно организованны; какие эмоции ассоциируются с этими сообществами или цементируют их; как средневековые тексты отражают конституирование этих сообществ или даже сами их формируют.

Почти все статьи тома построены на анализе или какого-то одного источника, ключевого для того или иного сообщества (например, хроники или жития

* Рецензия подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках госзадания Минобрнауки России (проект № 33.1221.2017/ПЧ).

первого епископа), или же нескольких подобных источников, для которых оказывается плодотворным сопоставительное изучение¹. Исследуется то, как авторы этих текстов репрезентируют сообщества, к которым принадлежат (и которые зачастую стремятся укрепить). Даже если анализируется взгляд “вовне” (как в статьях Т. Фёрстера, Б. Бандлина и Х. Я. Орнинга), это все равно делается с целью сказать нечто о том сообществе, к которому принадлежал(и) автор(ы) изучаемых источников.

Томас Фёрстер (Осло–Рим) посвятил свою статью [Foerster 2016] сравнительному анализу образов Балтийского моря в сочинениях Адама Бременского (ок. 1075 г.) и Саксона Грамматика (начало XIII в.). Сравнение этих двух трудов наглядно показывает, как изменился уровень знаний о море и его берегах за истекшее время. Если для Адама Балтийское море — это во многом опасная *terra incognita*, то для Саксона это уже арена политического и военного соперничества вполне известных автору держав, территория военных успехов датчан. Саксон даже использует выражение *mare nostrum*, подразумевая Балтийское и часть Северного моря и проводя тем самым вполне прозрачную аналогию между датчанами и римлянами с их Средиземным морем. Однако и для Саксона на Балтике существовали неизведанные земли, населенные чудовищами, просто они отодвинулись дальше на восток в сравнении с ментальной картой Адама. Помимо прочего, отмечает Фёрстер, в XI–XIII вв. менялись география и картография в целом: от “символической репрезентации божественного порядка”, географии, основанной на литературной традиции, — к более реалистичной передаче топографических деталей [Ibid.: 40]. Географический раздел сочинения Адама отражает очень ранний этап этого перехода; Адам еще стремился адаптировать конкретные знания о Балтике к литературной традиции, а не наоборот. Труд Саксона, напротив, отражает заключительный этап этой трансформации.

Ларс Хермансон (Гётеборг) [Hermanson 2016] тоже изучает “Деяния данов” Саксона Грамматика, однако на этот раз — в сравнении с собранием писем его современника аббата Вильгельма Эбельхольтского (ум. 1203). Хермансон интересуется, как дружба и любовь выражаются или описываются двумя авторами рубежа XII–XIII вв. применительно к самым разным лицам, общественным группам и казусам, и каким общество самой Дании предстает в сочинениях двух приближенных к датскому двору образованных клириков: монаха-августинца Вильгельма и секулярного клирика Саксона. Если Вильгельм был уроженцем Франции и принадлежал к международному монашескому сообществу, то Саксон — датчанин, выходец из местной военной аристократии, не жаловавший монахов [Ibid.: 69, 82–83], но при этом тоже, вероятно, учившийся во Франции. Хермансон обращает внимание на важность для обоих авторов “любви и дружбы как столпов идеального сообщества” [Ibid.: 62]. Коллекция писем Вильгельма служит собранием образцов (причем специально подобранных им самим) использования “языка любви и дружбы” в переписке с корреспондентами разных рангов, лицами светскими и духовными. “Деяния данов” используют этот “язык” для описания

¹ Такой подход не свойствен, пожалуй, только статье Г. Паца, который анализирует данные о матримониальных связях и религиозных контактах по самым разным источникам.

окружения короля, верных ему людей, отношений короля и епископа, короля и “народа” (читай: знати) [Ibid.: 77]. Эти две сферы были не столь различны, как может показаться: дружба в дружинной культуре скреплялась публичными клятвами и ритуалами, а среди образованных монахов поддерживалась обменом письмами, каковые зачитывались вслух, и тем самым тоже были публичным ее выражением [Ibid.: 72–73]. Для обеих культур “любовь была объединяющей идеей, а дружба — методом ее реализации” [Ibid.: 75].

Маргарета Нордквист (Стокгольм) [Nordquist 2016] исследует представления о “сообществе шведов”, выразившиеся в рифмованной “Хронике Стуре” конца XV в. Текст хроники находится в двояких отношениях с этим сообществом: оно действует на страницах хроники и одновременно является аудиторией, к которой автор обращается (шведы — это и “мы”, и “вы”). В хронике речь идет о событиях второй половины XV в., когда Швеция в результате Кальмарской унии 1397 г. находилась под властью датских королей, однако постоянно противостояла этой власти. Исследовательница задается вопросом о том, кого хронист включает в “сообщество шведов”, а кого — нет. Конечно, “шведы” — это жители Швеции (включая Финляндию), но по большей части этот термин обозначал только тех, кто участвовал в политической жизни и войске. “Шведы” ассоциируются с такими категориями, как “честь”, “мужество”, “лояльность” и “преданность” [Ibid.: 97]. “Все настоящие шведы” недовольны датским владычеством, говорит хронист, и это подразумевает существование “ненастоящих” шведов — шведов только формально [Ibid.: 99]. Далее, Нордквист изучает ситуации, в которых на страницах хроники “шведы” действуют коллективно. Как правило, речь идет о противостоянии внешним силам (обычно датчанам или русским), военных действиях, но также и об управлении страной (и в таком случае “шведы” — это существенно более узкий круг лиц). Наконец, автор ставит вопрос о том, включались ли в состав “шведов” крестьяне. В большинстве случаев этого не происходит, но в начале рассказа о восстании 1463 г. крестьяне все же описываются как часть общности шведов, чья честь была задета и чей гнев совершенно законен. По ходу описания, однако, хронист меняет акценты, и крестьяне снова становятся просто “крестьянами”, на которых хронист смотрит со стороны. Таким образом, резюмирует Нордквист, хотя на первый взгляд шведы в хронике предстают “горизонтальным политическим сообществом”, в действительности огромное значение имеет общественная иерархия [Ibid.: 116].

Гжегож Пац (Варшава) [Pac 2016] обращается к роли женщин (жен средневековых правителей, переезжавших при замужестве в другую страну) в установлении связей между духовными корпорациями и в создании тем самым международных “сетей” монашества. Жены правителей зачастую поддерживали определенные церкви или монастыри, прикладывали усилия к укреплению культа того или иного святого. Речь могла идти как о сохранении связей с духовными корпорациями на родине, так и о поддержке церковных начинаний на новом месте. Среди женщин, способствовавших установлению таких связей, исследователь называет Феофану (византийскую принцессу, жену Оттона II), ее внучку Рихезу (жену Мешко II), дочь последней Гертруду (жену Изяслава Ярославича), Саломею (дочь Генриха, графа Берга, и жену Болеслава III Кривоустого) и др. Обобщая сказанное, Пац констатирует, что, в отличие от собственно политики, в деле налаживания церковных

связей, скорее всего, инициатива принадлежала женщинам. При этом сами связи зачастую оказывались недолговечными и не переживали своих инициаторов. Наконец, данные о подобных связях заставляют говорить о том, что в течение столетия после “великой схизмы” 1054 г. “еще существовали как минимум некоторые элементы религиозного сообщества, соединявшего Западное и Восточное христианство” [Ibid.: 149].

Войтек Езерски (Гёттеборг) посвятил свою статью [Jeziarski 2016b] “миссионерским эмоциональным сообществам” XI–XIII вв. В центре его внимания такие эмоции, как ощущение риска, страх — и наоборот, бесстрашие. Езерски исследует с этой точки зрения “Деяния архиепископов Гамбургской церкви” Адама Бременского (ок. 1075 г.), “Славянскую хронику” Гельмольда из Босау (ок. 1168–1172 гг.) и “Хронику Ливонии” Генриха Латвийского (ок. 1225–1227), а также — в качестве более раннего и очень влиятельного текста — житие св. Ангария (IX в.). Езерски изучает то, как о чувстве опасности и страхе говорят все четыре источника, как это соотносится с реальным опытом и положением авторов (скажем, Адам писал в относительно безопасных условиях, а Гельмольд, наоборот, находился почти “на переднем краю”). С одной стороны, некоторым идеалом был бесстрашный миссионер (подобный св. Ангария), с другой — страх в его разных формах так или иначе присутствует во всех рассматриваемых в статье текстах. Езерски исследует нюансы понятий, связанных со страхом и отношением к нему, распределение по тексту источников соответствующей лексики, ассоциированность страха с конкретными местностями, проблемы мученичества и, наоборот, рационального стремления к собственной безопасности, соотношение страха, реально испытываемого автором, и “воображаемого страха” [Ibid.: 183], и т. д. Представления о страхе во всем их многообразии были, по мнению Езерского, важной составляющей в формировании “воображаемых сообществ” миссионеров.

Линда Кальюнди (Таллинн) [Kaljundi 2016] анализирует образ сообщества христиан в Ливонии, представленный в самом раннем из его нарративов — “Хронике Ливонии” Генриха Латвийского (ок. 1225–1227). Исследовательница сосредоточила свое внимание на том, как Генрих пишет об интеграции местных жителей, прежних язычников, в это сообщество. Она анализирует главным образом описания публичных ритуалов и публично выражавшихся эмоций, таких как страх Божий, скорбь (в первую очередь по собратьям, погибшим или страдающим от рук язычников), братская любовь и стремление защитить братьев, радость и ликование. Хотя иной раз в хронике выражаются сомнения в искренности этих эмоций, приводятся примеры неверности неофитов, и даже в нейтральных контекстах неофиты не смешиваются с немцами, — в целом Генрих, безусловно, радуется их интеграции в христианское сообщество, подчеркивает их роль в продолжающихся войнах с язычниками, а о неофитах, погибших в таких войнах, говорит как о мучениках за веру. Очевидная небеспристрастность Генриха — его лояльность как делу крестоносцев в целом, так и конкретно рижской епископской кафедре (в том числе в противостоянии Ордену Меченосцев) — при такой постановке вопроса оказывается не препятствием для исследователя, а наоборот — подспорьем. Текст Генриха, созданный на раннем этапе формирования сообщества и отчасти призванный его конституировать, а также представить вовне (возможный адресат — папский легат Вильгельм), оказывается в данном случае прекрасным источником.

Туомас Хейккиля (Финский исследовательский институт в Риме) посвятил статью [Heikkilä 2016] первому литературному произведению Финляндии — житию епископа Генриха, написанному в конце XIII в. Герой жития — “апостол Финляндии”, ее легендарный первый епископ (его деятельность житие относит к середине XII в.) — погиб от рук местного убийцы. Житие стало текстом, “необыкновенно важным для формирования христианской идентичности и создания нового сообщества, основанного на общих ценностях и общем понимании истории” [Ibid.: 223], — фактически первым образцом историописания Финляндии — обособленной и имевшей свою идентичность части Шведского королевства. Хейккиля анализирует структуру, источники, язык, редакции жития, его вероятное значение как для образованных клириков, так и для тех, кто воспринимал этот текст на слух, во время чтения в церквях, а также тех, кому содержание жития разъяснялось и пересказывалось. Автор исследует историческую судьбу жития: географию распространения списков (не только в Финляндии, но и в собственно Швеции, а также за ее пределами), а также поздние записи финской устной традиции о святом. Хейккиля рассматривает содержание жития с точки зрения формирования сообщества: житие четко противопоставляет христиан язычникам, рисует хаос прежней, языческой Финляндии, однако никак не противопоставляет ее нынешних жителей ни обитателям других областей Швеции, ни даже православным русским. Исследователь показывает, что автор жития не конструировал “с нуля”, но создавал сбалансированное изложение уже сложившейся традиции о св. Генрихе, внося тем самым, однако, существенный вклад в формирование идентичности христианской Финляндии. Например, не случайно в житии описаны 11 чудес, которые произошли в разных населенных пунктах, в совокупности очерчивавших всю территорию христианских “Восточных земель” во второй половине XIII в. [Ibid.: 242–243]. В заключение Хейккиля отмечает, что представление о прошлом Финляндии, выразившееся в житии, оказало влияние на все последующее финское историописание, а в научной историографии стало подвергаться сомнению лишь во второй половине XX в.

Томас Линдквист (Гётеборг) [Lindkvist 2016] анализирует шведские областные судебники XIII в. Из 9-ти сохранившихся ранних сводов законов автор выбрал три: с острова Готланд и из областей Вестергётланд и Уппланд. Появление единого для области судебного уже само по себе в какой-то мере конституировало, по выражению автора, “законодательное сообщество” (*legal community*). Основное внимание Линдквист уделяет не сколько судебникам как таковым, сколько историческим текстам, сопровождающим законы в рукописях и оказывающимся едва ли не древнейшими образцами историописания Швеции. Эти тексты — каждый по-своему — излагают (и конструируют) “общее прошлое” [Ibid.: 257] своей области. В рукописи середины XIV в. вслед за законами Готланда помещен небольшой рассказ об истории острова, известный как “Сага о гутах” (*Guta saga*), где, помимо прочего, подчеркивается, что готландцы коллективно и добровольно согласились платить дань королю и ярлу Швеции, что крестились они по собственной инициативе, и более того, добровольно вошли в состав епархии Линчёпинга, причем власть епископа над ними ограничена решениями общины. Тем самым “Сага” как бы дополняет законы, определяя права общины Готланда в отношениях с королем и епископом [Ibid.: 262]. Законы Вестергётланда в древнейшей

рукописи (тоже середины XIV в.) сопровождается коллекция перечней-обзоров: гор, лесов и рек Вестергётланда; королей Швеции, епископов Скары и законоговорителей Вестергётланда. Дополняя законы, эти перечни очерчивали территорию области и подчеркивали ее древние права. Законы Уппланда не сопровождаются подобными историческими текстами, однако отчасти эту роль выполняют королевский диплом 1296 г. об утверждении законов и предисловие. В них очерчиваются географические границы области и заявляется, что законы предназначены для защиты интересов всех слоев ее населения, — т. е. опять же конституируется сообщество. Далее, Линдквист обращает внимание на то, что в самих законах общество предстает сравнительно эгалитарным (в отличие от даже более ранних норвежских судебных кодексов), но при этом в законах Вестергётланда четко противопоставляются жители “своей” области, жители других областей Шведского королевства, и наконец, иностранцы, среди которых тоже есть разные степени “чуждости”. Схожим образом в законах Готланда “готландцы” противопоставлены жителям города Висбю и основной части Швеции. В заключение Линдквист размышляет о том, что, хотя все три судебных кодекса (вместе с сопровождающими их текстами) работают на конституирование местных сообществ, есть большие различия между самими этими сообществами и, в частности, между местными элитами и их потребностями, породившими своды законов.

Павел Лукин (Москва) [Lukin 2016] исследует то, как применительно к новгородцам в источниках используется термин “братья”. Как будто подразумеваемая равноправие всех новгородцев, в действительности это слово скорее сглаживало иерархичность и сложностность реального новгородского общества, сумев “стать эффективным средством поддержания общественного единства” [Ibid.: 301]. Лукин анализирует употребление “братской” терминологии в самых разных контекстах: при описании внутренних конфликтов в Новгороде и последующего примирения (летописец использует формулы вроде “и сънидошася братья”), крестоцелований, конфликтов новгородцев с князьями, с иностранцами (в ответ на жалобу ганзейских купцов новгородский тысяцкий ссылается на обиды, нанесенные в ганзейских городах “нашим братьям”), с Псковом (псковичи — “младшие братья” новгородцев — даже тогда, когда в реальности Псков уже был независим). Автор анализирует такие формы конституирования сообщества новгородцев, как взаимное крестоцелование, пиры (“обед”, “каша”, “братчина”), а также объединявшие новгородцев символы: св. Софию и фигуру архиепископа (призванного стоять над схваткой боярских кланов и территориальных группировок). Хотя основным источником для Лукина служит официальная архиепископская летопись, ее удачно дополняют сведения ганзейских документов, а в одном случае — берестяной грамоты (№ 954), которая демонстрирует существование “воображаемого сообщества” на уровне не города в целом, но одного из его районов-концов.

Корделия Хесс (Гётеборг) [Heß 2016] исследует отражение внутренних конфликтов в Любеке в городской хронике, написанной монахом Детмаром по заказу городского совета. Заказ этот поступил в 1385 г., сразу после расправы над участниками “восстания мясников”. Исследовательница пытается отойти от прямолинейного восприятия хроники Детмара как отражающей точку зрения победителей. Для хрониста городской конфликт не был чем-то раз и навсегда пройденным: конфликты были постоянной чертой повседневной жизни Любека

и других подобных городов, а конфликтующие группы горожан никуда не исчезали. Хесс выявляет стереотипную модель описания городских восстаний в хрониках. Так, вначале всегда указываются причины восстания (каковыми могут быть и действия городских властей). У Детмара при описании любых восстаний прослеживается попытка показать позиции и эмоции обеих сторон, в том числе такие, как борьба за справедливость и гнев восставших. В случае особой опасности мятежа (например, при описании “заговора мясников”) Детмар использует по отношению к мятежникам фразеологию, типичную для описания врагов христианства, — тем самым исключая восставших из городского сообщества. Однако в большинстве случаев восставшие остаются частью сообщества, каковое в хронике Детмара предстает сложноорганизованным и находящимся в постоянном напряжении. Сам акт заказа новой хроники видится исследовательнице многогранным: с одной стороны, власти Любека хотели увидеть в хронике оправдание статуса-кво, сementировать городское сообщество, как бы получить контроль над историей. С другой — реальное содержание хроники, написанной Детмаром, не было столь однозначным. Монах-францисканец подошел к теме городских конфликтов отчасти как сторонний наблюдатель, где-то даже исследователь, в целом сочувствующий идее мира и справедливости, но не являющийся сам лично носителем эмоций какой-либо из конфликтующих сторон.

Бьёрн Бандлин (Университетский колледж Юго-Восточной Норвегии) [Bandlien 2016] пишет о восприятии русских элитой Швеции и Норвегии в конце XII — начале XIV в., т. е. в эпоху балтийских крестовых походов. В это время Швеция была постоянным военным соперником Северо-Западной Руси, а Норвегия отчасти противостояла Новгороду на крайнем севере. Чтобы лучше понять специфику восприятия русских, автор сравнивает их с образами, с одной стороны, сарацин (тоже врагов в крестовых походах), а с другой — саамов (язычников на северных границах). В норвежском историописании взгляд на русских как на схизматиков и тем более язычников отсутствует даже в эпоху уже начавшихся крестовых походов и даже при описании недавних событий. Наоборот, в шведском историописании (начиная с рифмованной “Хроники Эрика” XIV в.) русские предстают военными врагами, “язычниками” и неким подобием сарацин, о которых скандинавы узнавали из переводов континентальных *chansons de geste*. В Норвегии крестоносная риторика отчасти применялась к походам в землю саамов, однако на практике политика по отношению к местным язычникам была сродни древнерусской: довольствоваться политической лояльностью и сбором дани. В 1320-х годах почти одновременно происходят как будто противоречащие друг другу события: крестоцелование под русско-норвежским договором 1326 г. и подготовка норвежцами крестового похода против финнов, карел и русских. Сочетание военных конфликтов (с крестоносной риторикой) и торговых отношений характерно и для контактов Руси и Швеции. Тем не менее в шведских источниках баланс склоняется скорее к восприятию Руси как врага, а в норвежских — как партнера.

Ханс Якоб Орнинг (Осло) посвятил статью [Orning 2016] анализу исландской рукописи третьей четверти XV в., представляющей собой собрание из 15 саг (главным образом саг о древних временах). Кодекс был предположительно создан на хуторе Мёдрувеллир, владельцем которого и вероятным заказчиком

книги была Маргрет Вигфусдоттир, к тому моменту вдова, по отцу и по мужу принадлежавшая к двум влиятельнейшим семействам Исландии. Вслед за рядом ученых, Орнинг видит в сагах о древних временах элемент конструирования исландцами своей идентичности в рамках сообщества скандинавов и шире — христиан, роль врагов которых выполняли действовавшие в таких сагах чудовища и великаны. Особую роль в этих представлениях играла страна Гардарики, т. е. Русь, выполнявшая роль своего рода буфера между “своим” и “чужим” миром, “привратника воображаемого скандинавского сообщества” [Ibid.: 366], и игравшая важную роль в пяти из 15 саг кодекса. Орнинг рассматривает некоторые нюансы взаимоотношений между “центром” и “чужой” периферией, включающие в себя не только героическую борьбу, но и, скажем, временные союзы; задается вопросом о том, зачем вообще нужна была эта периферия героям саг, почему они стремились туда отправиться и там совершать подвиги. Наконец, автор обращается к вопросу о том, включало ли упомянутое “воображаемое сообщество” всех скандинавов, — и отвечает: нет, не включало. Речь идет только о военной аристократии, не о крестьянах и (в большинстве случаев) не о королях. Таким образом, саги о древних временах отражали процесс формирования исландской аристократии как сообщества — противопоставлявшего себя как королевской власти, так и простолюдинам [Ibid.: 367–368], но в то же время считавшего себя частью более широкого сообщества скандинавов [Ibid.: 375]. Орнинг подчеркивает, что рукописи, подобные анализируемой, не были исключительно письменным явлением; саги рассказывались у очага и, таким образом, отражали и формировали представления слушателей — в эпоху, когда Исландия стала частью более обширного королевства и одновременно обрела торговые и культурные связи с самыми разными регионами².

Том обрамляют предисловие Войтека Езерского (где дается обзор проблематики, которой посвящены статьи сборника) [Jezierski 2016a] и послесловие Барбары Розенвейн (Чикаго) с подзаголовком “Воображаемые эмоции для воображаемых сообществ” [Rosenwein 2016]. В части статей сборника на первый план вышла проблема эмоций (например, эмоций, цементирующих сообщества, испытываемых в конфликтных ситуациях, характерных для определенных групп, и т. д.), и Розенвейн делает попытку обобщить эти наблюдения, констатируя сложность и нелинейность эмоциональной составляющей средневековых “воображаемых сообществ”.

В целом том чрезвычайно интересен и вносит, на мой взгляд, важный вклад в понимание средневековых общностей — а также того языка, с помощью которого о них говорится в средневековых нарративах, и той роли, которую эти нарративы играют в конституировании общностей. Сомнений при прочтении появлялось совсем немного (если не считать возникающего иной раз ощущения, так сказать, неуловимости ставящихся в сборнике проблем).

² Правда, XV в. — это время создания анализируемого Орнингом рукописного сборника, но не вошедших в него саг. Подход автора, анализирующего дошедшую до нас рукопись как некий срез читавшегося/рассказывавшегося в определенном месте и в определенное время, вполне правомерен, однако имело бы смысл все же поставить вопрос о том, что тексты саг отражают скорее представления более раннего времени.

Так, отчасти искусственными кажутся географические рамки сборника: “вокруг Балтийского моря”. Как представляется, ни в проблематике сборника, ни в тех феноменах, которые исследуют авторы большинства статей, нет ничего специфически “балтийского”. С тем же успехом в книгу могли войти статьи, скажем, об Англии, Испании или даже о неевропейских обществах. Однако в любом деле разумны какие-то ограничения, и в этом смысле выбор составителями сборника окрестностей Балтийского моря вполне законен. Он позволяет сопоставить достаточно разные, однако географически близкие общества, связанные между собой густой сетью политических и культурных контактов.

Иногда не очень логичной кажется разбивка тома на разделы. Так, статьи М. Нордквист и К. Хесс оказались в разных разделах, в то время как их объединяет и проблематика (единство и сложноорганизованность политического сообщества), и подход (анализ одного памятника историописания, созданного современником и отражающего эту диалектику), и даже хронология (в этих двух статьях сюжеты сравнительно поздние: конец XIV в. у Хесс и вторая половина XV в. у Нордквист).

Можно посетовать и на то, что, к сожалению, в сборнике мало учтены работы российских исследователей. За пределами статей Г. Паца и П. В. Лукина, а также предисловия В. Езерского, ссылок на российских авторов совсем немного: трижды на работы Е. А. Мельниковой и один раз — А. Д. Щеглова [Jezierski, Hermanson 2016: 52, note 87; 109, note 96; 334, note 7; 373, note 70]. Между тем для сюжетов некоторых статей, особенно последних двух (Б. Бандлина и Х. Я. Орнинга), касающихся образа Руси в скандинавских источниках, работы российских коллег [Глазырина 2002; Джаксон 2012; и др.] имеют принципиальное значение³.

Однако в целом, повторяюсь, рецензируемый том представляет собой очень полезный и будающий мысль научный труд. Многообразие рассматриваемых в сборнике общностей и текстов — географическое, хронологическое, типологическое — позволят, как мне кажется, очень многим медиевистам найти в этой книге для себя нечто интересное и поучительное.

Библиография

Глазырина 2002

Глазырина Г. В., *Сага об Ингваре Путешественнике: Текст, перевод, комментарий*, Москва, 2002.

Джаксон 2012

Джаксон Т. Н., *Исландские королевские саги о Восточной Европе: Тексты, перевод, комментарий*, Москва, 2012 [2-е изд., в одной книге, испр. и доп.].

Bandlien 2016

Bandlien B., “Norway, Sweden, and Novgorod: Scandinavian Perceptions of the Russians, Late Twelfth–Early Fourteenth Centuries”, in: [Jezierski, Hermanson 2016: 331–352].

³ Ссылка на языковой барьер в данном случае вряд ли уместна: многие выводы этих исследователей опубликованы на европейских языках, см. библиографию: (<http://pashuto.ru/names/glazygina>; последнее обращение 4.05.2018); (<http://pashuto.ru/names/jackson>; последнее обращение 4.05.2018).

Foerster 2016

Foerster Th., "Imagining the Baltic: Mental Mapping in the Works of Adam of Bremen and Saxo Grammaticus, Eleventh–Thirteenth Centuries", in: [Jezierski, Hermanson 2016: 37–58].

Heikkilä 2016

Heikkilä T., "An Imaginary Saint for an Imagined Community: St. Henry and the Creation of Christian Identity in Finland, Thirteenth–Fifteenth Centuries", in: [Jezierski, Hermanson 2016: 223–252].

Hermanson 2016

Hermanson L., "Discourses of Communion: Abbot William of Æbelholt and Saxo Grammaticus: Imagining the Christian Danish Community, Early Thirteenth Century", in: [Jezierski, Hermanson 2016: 59–87].

Heß 2016

Heß C., "Urban Community and Social Unrest: Semantics of Conflict in Fourteenth-Century Lübeck", in: [Jezierski, Hermanson 2016: 307–327].

Jezierski 2016a

Jezierski W., "Introduction: Imagined Communities on the Baltic Rim, from the Eleventh to Fifteenth Centuries", in: [Jezierski, Hermanson 2016: 11–33].

Jezierski 2016b

Jezierski W., "Risk Societies on the Frontier: Missionary Emotional Communities in the Southern Baltic, Eleventh–Thirteenth Centuries", in: [Jezierski, Hermanson 2016: 155–190].

Jezierski, Hermanson 2016

Jezierski W., Hermanson L., eds., *Imagined Communities on the Baltic Rim, from the Eleventh to Fifteenth Centuries*, Amsterdam, 2016.

Kaljundi 2016

Kaljundi L., "Expanding Communities: Henry of Livonia on the Making of a Christian Colony, Early Thirteenth Century", in: [Jezierski, Hermanson 2016: 191–221].

Lindkvist 2016

Lindkvist Th., "The Making of Legal Communities: Royal, Aristocratic, and Local Visions in Sweden and Gotland, Thirteenth–Fourteenth Centuries", in: [Jezierski, Hermanson 2016: 254–277].

Lukin 2016

Lukin P. V., "Urban Community and Consensus: Brotherhood and Communalism in Medieval Novgorod", in: [Jezierski, Hermanson 2016: 279–307].

Nordquist 2016

Nordquist M., "Envisioning a Political Community: Peasants and Swedish Men in Vernacular Rhyme Chronicles, Late Fifteenth Century", in: [Jezierski, Hermanson 2016: 89–119].

Orning 2016

Orning H. J., "Transient Borders: The Baltic Viewed from Northern Iceland in the Mid-Fifteenth Century", in: [Jezierski, Hermanson 2016: 353–378].

Pac 2016

Pac G., "Communities of Devotion across the Boundaries: Women and Religious Bonds on the Baltic Rim and in Central Europe, Eleventh–Twelfth Centuries", in: [Jezierski, Hermanson 2016: 123–154].

Rosenwein 2016

Rosenwein B. H., "Afterword: Imagined Emotions for Imagined Communities", in: [Jezierski, Hermanson 2016: 379–386].

References

- Bandlien B., "Norway, Sweden, and Novgorod: Scandinavian Perceptions of the Russians, Late Twelfth–Early Fourteenth Centuries", in: Jezierski W., Hermanson L., eds., *Imagined Communities on the Baltic Rim, from the Eleventh to Fifteenth Centuries*, Amsterdam, 2016, 331–352.
- Dzhakson T. N., *Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoi Evrope: Teksty, perevod, kommentarii*, 2nd ed., rev. and enl., Moscow, 2012.
- Foerster Th., "Imagining the Baltic: Mental Mapping in the Works of Adam of Bremen and Saxo Grammaticus, Eleventh–Thirteenth Centuries", in: Jezierski W., Hermanson L., eds., *Imagined Communities on the Baltic Rim, from the Eleventh to Fifteenth Centuries*, Amsterdam, 2016, 37–58.
- Glazyrina G. V., *Saga ob Ingvare Puteshestvennike: Tekst, perevod, kommentarii*, Moscow, 2002.
- Heikkilä T., "An Imaginary Saint for an Imagined Community: St. Henry and the Creation of Christian Identity in Finland, Thirteenth–Fifteenth Centuries", in: Jezierski W., Hermanson L., eds., *Imagined Communities on the Baltic Rim, from the Eleventh to Fifteenth Centuries*, Amsterdam, 2016, 223–252.
- Hermanson L., "Discourses of Communion: Abbot William of Æbelholt and Saxo Grammaticus: Imagining the Christian Danish Community, Early Thirteenth Century", in: Jezierski W., Hermanson L., eds., *Imagined Communities on the Baltic Rim, from the Eleventh to Fifteenth Centuries*, Amsterdam, 2016, 59–87.
- Heß C., "Urban Community and Social Unrest: Semantics of Conflict in Fourteenth-Century Lübeck", in: Jezierski W., Hermanson L., eds., *Imagined Communities on the Baltic Rim, from the Eleventh to Fifteenth Centuries*, Amsterdam, 2016, 307–327.
- Jezierski W., "Introduction: Imagined Communities on the Baltic Rim, from the Eleventh to Fifteenth Centuries", in: Jezierski W., Hermanson L., eds., *Imagined Communities on the Baltic Rim, from the Eleventh to Fifteenth Centuries*, Amsterdam, 2016, 11–33.
- Jezierski W., "Risk Societies on the Frontier: Missionary Emotional Communities in the Southern Baltic, Eleventh–Thirteenth Centuries", in: Jezierski W., Hermanson L., eds., *Imagined Communi-*
- ties on the Baltic Rim, from the Eleventh to Fifteenth Centuries*, Amsterdam, 2016, 155–190.
- Jezierski W., Hermanson L., eds., *Imagined Communities on the Baltic Rim, from the Eleventh to Fifteenth Centuries*, Amsterdam, 2016.
- Kaljundi L., "Expanding Communities: Henry of Livonia on the Making of a Christian Colony, Early Thirteenth Century", in: Jezierski W., Hermanson L., eds., *Imagined Communities on the Baltic Rim, from the Eleventh to Fifteenth Centuries*, Amsterdam, 2016, 191–221.
- Lindkvist Th., "The Making of Legal Communities: Royal, Aristocratic, and Local Visions in Sweden and Gotland, Thirteenth–Fourteenth Centuries", in: Jezierski W., Hermanson L., eds., *Imagined Communities on the Baltic Rim, from the Eleventh to Fifteenth Centuries*, Amsterdam, 2016, 254–277.
- Lukin P. V., "Urban Community and Consensus: Brotherhood and Communalism in Medieval Novgorod", in: Jezierski W., Hermanson L., eds., *Imagined Communities on the Baltic Rim, from the Eleventh to Fifteenth Centuries*, Amsterdam, 2016, 279–307.
- Nordquist M., "Envisioning a Political Community: Peasants and Swedish Men in Vernacular Rhyme Chronicles, Late Fifteenth Century", in: Jezierski W., Hermanson L., eds., *Imagined Communities on the Baltic Rim, from the Eleventh to Fifteenth Centuries*, Amsterdam, 2016, 89–119.
- Orning H. J., "Transient Borders: The Baltic Viewed from Northern Iceland in the Mid-Fifteenth Century", in: Jezierski W., Hermanson L., eds., *Imagined Communities on the Baltic Rim, from the Eleventh to Fifteenth Centuries*, Amsterdam, 2016, 353–378.
- Pac G., "Communities of Devotion across the Boundaries: Women and Religious Bonds on the Baltic Rim and in Central Europe, Eleventh–Twelfth Centuries", in: Jezierski W., Hermanson L., eds., *Imagined Communities on the Baltic Rim, from the Eleventh to Fifteenth Centuries*, Amsterdam, 2016, 123–154.
- Rosenwein B. H., "Afterword: Imagined Emotions for Imagined Communities", in: Jezierski W., Hermanson L., eds., *Imagined Communities on the Baltic Rim, from the Eleventh to Fifteenth Centuries*, Amsterdam, 2016, 379–386.

Тимофей Валентинович Гимон, д. ист. наук,
ведущий научный сотрудник Исторического факультета
Гос. академ. ун-та гуманитар. наук,
ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН,
119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32А,
Россия/Russia
guimontv@mail.ru

Received December 1, 2017